

И.П. Корнеева
(БелГУ, Белгород)

**Этический анализ ранних произведений графа Толстого Л.Н.
в литературной критике Н.Н. Страхова**

Литературная критика Страхова – величайшее достояние русской культуры, философии, этики, эстетики. Здесь нас будет интересовать в первую очередь этика литературной критики Страхова. Заметим, что Страхов прекрасно знал русскую литературу, поэзию XIX века, был лично знаком с крупнейшими русскими писателями, такими как Тургенев, Достоевский, Толстой, И. С. Аксаков. Остановимся на критике Страховым ранних произведений Л.Н. Толстого, в которой ярко вырисовывается нравственный анализ жизни русского человека в первой половине XIX века, вносящий несомненный вклад в сокровищницу этической мысли.

Герои ранних произведений Толстого Л.Н. – люди, находящиеся в поисках нравственного идеала. Страхов так описывает появление этих людей в жизни и в произведениях Толстого: «Русская жизнь XIX века порождает людей с пустою грудью, которым нечем жить и незачем жить. Произведения Толстого рисуют душевную пустоту, которою страдают русские люди...» (1, с.243). Главные герои Толстого принадлежат к высшему классу (князья, помещики). Очень скоро они отказываются от своего класса и пускаются в жизнь,

томимые жаждой обрести истинные начала душевной красоты. У героев рано начинается разлад с понятиями, привитыми обществом. Они уходят из своего круга и пускаются по всевозможным путям, ища иных людей и иной жизни для себя. Лица эти – несчастные, страдающие люди в противоположность тем, кто не чувствует ни малейшего разлада с жизнью.

Страхов анализирует социальные причины данного нравственного явления. «Среди той пустоты, того отсутствия влияний, в котором эти люди провели свое детство и отрочество, у них в известную пору в силу внутреннего развития души возникали идеальные стремления, чрезвычайно сильные и совершенно неопределенные... Молодой позыв к идеалу не успевает сформироваться в определенные требования и желания. Недостает руководства, примеров, форм, слов и очертаний, которые помогли бы широкому и сильному идеалу сложиться в определенный организм. Поэтому душа... не дорастает: являются страдающие люди, которые не знают, что им делать и как им делать, которые и в себе, и в других постоянно отыскивают идеальную сторону жизни, мучаются ее отсутствием...» (1, с.249-250).

Страхов показывает пробуждение идеала, которое начинается в юности, и дает его формулировки. «Под влиянием Нехлюдова, – рассказывает Николай Иртеньев, – я невольно усвоил и его направление, сущность которого составляло восторженное обожание идеала добродетели и убеждение в назначении человека совершенствоваться. Тогда исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастья людские казалось удобоисполнимой вещью, – очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить все добродетели и быть счастливым...». Представления об идеале другого героя Оленина укладываются в краткую формулу: «Счастье в том, чтобы жить для других». Психологическое состояние нравственно пробужденных личностей, считает Страхов, таково, что голос идеала звучит громко и не дает им никогда успокоиться.

Герои графа Толстого не худшие наши люди, а скорее лучшие, указывает Страхов. Это исключения из жизни, но исключения, порожденные самой жизнью, ее пустотой и бессодержательностью. В них проснулась не умирающая душа человеческая, они почувствовали в себе порыв к идеалу, услышали его зовущий голос. Они пошли за ним и попали в тот тяжелый разлад с самим собою и с окружающими людьми, который составляет главную тему графа Толстого. При свете своего идеала они сами себе кажутся пустыми и мертвыми, а окружающая их жизнь является им темной и мелкою.

Пробужденный идеал, отмечает Страхов, вызывает разрыв со средой и мучительные поиски подтверждения себя в жизни. Герои графа Толстого буквально бродят по свету и ищут идеальной стороны жизни. Они заняты решением самых общих и очень наивных вопросов: существует ли на свете истинная дружба, существует ли истинная любовь к женщине, существует ли высокое наслаждение природою или искусством, существует ли истинная доблесть, например, храбрость на войне?

Непросто отвечает на эти вопросы сам Толстой, считает Страхов. Не сразу подтверждает он идеал жизнью. Первоначально кажется, что идеала в жизни нет. Во втором рассказе о Севастополе он с поразительным мастерством изображает сцены мелочных страстей, тщеславия, зависти, трусости, скупости и т.д.; которые он нашел в том месте, где, казалось бы, можно найти только невыразимо – величественную эпопею. Граф Толстой сомневается в достоинстве души человеческой и заключает свой рассказ так: «Где выражение зла, которого должно избегать, где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой её? Все хороши и все дурны» (1, с.256). В этом же втором севастопольском рассказе есть описания людей, доблестных среди битвы и через минуту становящихся мелочными в обыкновенной жизни.

В третьем севастопольском рассказе Толстой рисует человеческие характеры, изображая их мелочные слабости, всевозможные переходы от доблести к малодушию. Он рассказывает, например, как накануне битвы офицеры в оборонительной казарме играют в карты. Они жадничают, злятся, наконец, завязывается ссора. Толстой прерывает рассказ.

«Опустим, – говорит он, – скорее завесу над этой сценой. Завтра, может быть, каждый из этих людей весело и гордо пойдет навстречу смерти и умрет твердо и спокойно... На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделала из него героя: но искра эта устает гореть ярко – придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела» (1,с.261).

Страхов отмечает, что сложен человек в понимании Толстого. В нем соединяются низменное и возвышенное, добро и зло. Ничтожество и малодушие человеческого племени нельзя возводить в абсолют. «...Страх, как и каждое сильное чувство, не может в одной степени продолжаться долго» (1,с.261), – пишет Толстой в третьем севастопольском рассказе. Страх с необходимостью переходит в доблесть в бою.

И все-таки существует, на взгляд Страхова, абсолютное проявление нравственного идеала в севастопольских рассказах Толстого. Нравственный идеал воплощается в людях простых и искренних, а это для Толстого – не среда юнкеров, волонтеров и офицеров, а среда рядовых солдат. Первый севастопольский рассказ Толстой оканчивает словами: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, который героем был народ русский...» (1,с.262).

На этом анализ Страховым нравственных проблем ранних произведений Толстого заканчивается. Мы не можем не отметить, что сам Толстой считал Страхова выдающимся литературным критиком и единственным духовным другом. Произведения Толстого для нас, читателей XXI века, открываются во всей своей глубине через литературную критику Страхова. Сама этика Толстого прочитывается через этический анализ его произведений Страховым.

Значение этой этики велико. Мораль личности предстает перед нами как психологически насыщенный поиск идеала, требующего подтверждения себя в жизни. Сам нравственный идеал является общечеловеческим по содержанию, не сводится к классовому и в то же время наиболее полно воплощен в одном классе – простом народе. Добавим, что мораль личности обретает идеал в сложном осмыслении и переживании добра и зла вокруг себя. Есть личности, которые не пробуждаются к этому процессу.

Этика Страхова и Толстого идет от самой жизни, непосредственно от человека и этим отличается от современных этических теорий, которые вскрывают общественную сущность, механизмы возникновения и функционирования морали. Страхов и Толстой описывают мораль на уровне личности, используя психологический подход.

Литература

Страхов Н.Н. Литературная критика. – СПб, 2000.